В О П Р О С Ы   Я З Ы К О З Н А Н И Я

№ 0 **2007**

© 2007 г. **А. А. ЗАЛИЗНЯК, В. Л. ЯНИН**

БЕРЕСТЯНЫЕ ГРАМОТЫ ИЗ НОВГОРОДСКИХ РАСКОПОК 2006 г. *

Статья представляет собой предварительную публикацию берестяных грамот, найденных в Новгороде в археологическом сезоне 2006 г.

Новгородские раскопки 2006 года принесли, как и в прошлом археологическом сезоне, три новые берестяные грамоты. Небольшое количество найденных документов объясняется тем, что раскопки здесь достигли уже очень глубоких слоев, где берестяные грамоты весьма редки.

В 2006 году на новгородском Троицком раскопе продолжались работы на 13-м участке (руководитель работ А. Н. Сорокин) и на 14-м участке (руководитель работ А. М. Степанов). На 13-м участке пройдены напластования второй половины XI века. На 14-м участке пройдены напластования конца XI – первой четверти XII века и найдены грамоты № 957, 958 и 959.

Принципы записи текста и комментирования — такие же, как в предшествующих публикациях данной серии. Указанные при грамотах стратиграфические датировки носят предварительный характер.

Грамота № 957. Троицкий раскоп. Целая надпись из двух строк на донце (или крышке) берестяного лукошка.

Предварительная стратиграфическая оценка: первая четвертьXII века.

воибоудино лоукъньцо иже є уклъдеть да пр=
оклѧтъ боудеоуть а шьвъко ѱлъ

В формуле проклятия автор колебался между вариантами *боудеть* и *боудоуть*, в результате у него оказались совмещенными оба варианта.

Текст прозрачен, за исключением одного слова (*уклъдеть*): ‘Войбудино луконце (= лукошко). Кто его “уклъдет”, да будет проклят. А писал Шевко’. Это владельческая запись с заклятием против того, кто нанесет этому предмету (или его владельцу) какой-то ущерб.

Что же такое *уклъдеть* и какой род вреда или ущерба это слово передает?

Может быть, это всего лишь буквенная ошибка вместо *укладеть*? Мы знаем, однако, что предположение об ошибке писавшего — вообще слабое и при расшифровке берестяных грамот уже слишком часто оборачивавшееся ошибкой читающего, а не писавшего. И во всяком случае принять такое предположение допустимо лишь в том случае, если после поправки текст становится совершенно ясен. Но в данном случае это явно не так: даже и при принятии такой поправки ситуация осталась бы непонятной. Что значит “его (лукошко) укладет (т. е. уложит)”? Лукошко можно уложить, например, в сундук или в сарай. Но в чем здесь преступление, да еще такое, за которое положено проклятие? Вероятно, можно также уложить лукошко, как укладывают, например, чемодан, собираясь

* Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ (проект № 06-04-00567а) и INTAS (проект № 03-51-3867). Экспедиционные работы в Новгороде поддержаны проектом РГНФ № 06-01-18003е.

в дорогу (т. е. продуманно расположить в нем вещи, ничего не забыв). Но и здесь загадочно, почему владельца волнует не то, что чужак завладеет его вещью, а то, что он будет ее укладывать (в указанном смысле), и в чем здесь все-таки достойное проклятия преступление.

Может быть, Шевко сделал сразу две буквенные ошибки — *уклъдеть* вместо *украдеть*? По смыслу *украдеть* подходит прекрасно. Но целых две ошибки в одном слове — это уже слишком вольное предположение.

Остается искать решение, не подвергая сомнению написание *уклъдеть*.

Корень *клъд-* (которому в современном языке соответствовало бы *клод-*) нигде не отыскивается. Известно, однако, что в новгородских берестяных грамотах последовательность типа *ТръТ*, *ТлъТ* иногда выступает вместо более обычных *ТърТ*, *ТълТ* и *ТъръТ*, *ТълъТ* (см. [ДНД$_2$, § 2.13]). Поэтому мы вправе искать также корень *кълд-* (которому в современном языке соответствовало бы *колд-*). Основные результаты этого поиска таковы:

1) *колд-* в *колдовать*, *колдун*, *колдовство* и т. д.;

2) *колд-* в ряде слов со значениями, связанными с образами удара или выбоины: *колдобина* и ряд диалектных — *колдóба* 'выбоина, ухаб и др.' и производные от этого слова (см. [СРНГ, 14: 115–116]; также с написанием *калд-* [12: 345–346]); *колды́кнуть* 'ударить' ([14: 120]; и *колдыхну́ть* 'то же'), также его производное *чекалды́кнуть* (или *чекол-*), отсутствующее в словарях, но широко известное в сочетании *чекалды́кнул стаканчик*;

3) *колд-* в ряде диалектных слов со значением увечья, хромоты: *колды́ка* (и *колды́га*) 'хромой человек', *колды́ба* 'то же', также глаголы *колдыбáть*, *колдыгáть*, *колдыхáть*, *колды́кать* 'хромать' (см. [СРНГ, 14: 118–120]).

В ЭССЯ [13: 165] для не имеющего общепринятой этимологии слова *колдун* (известного только русскому и белорусскому языкам) предполагается первоначальное значение 'тот, кто путает, закручивает, например, колосья, со злым умыслом'. Не исключено, что перечисленные выше группы слов (или хотя бы их часть) сводятся к некоему общему корню со значением нанесения вреда.

Соответственно, для *уклъдеть*, если здесь действительно корень *клъд-* (из *кълд-*), можно предполагать значение 'заколдует' или более общее значение 'повредит, наведет порчу'. Заметим, что приставка *у-* хорошо согласуется с этим кругом значений: она представлена в большом числе глаголов, означающих нанесение вреда, например, *укусить*, *уязвить*, *ущемить*, *убить*, *удушить*, *утомить*, *удручить*, *унизить*, *увечить*, *угнетать*.

Если это решение правильно, то перед нами не засвидетельствованный другими памятниками глагол того же морфологического типа, что, например, *толочи*, *тълчеть*, т. е. его инфинитив должен был иметь вид **колости*. В этом нет ничего невозможного — прецеденты такого рода в истории изучения берестяных грамот уже имеются: это глагол с презенсом *скърбеть* и глагол *рути* (с презенсом *рубеть*).

Дохристианское двусоставное имя *Воибуда* встречается впервые. В других сочетаниях оба его составных элемента известны; ср. *Воинѣгъ*, *Воигость*, *Воиславъ* и др.; *Жизнобудъ*, *Житобудъ*, *Жиробудъ*, *Нѣжебудъ* и др.

Что касается морфологического оформления по *а*-склонению, то такое имя может быть женским (ср., например, *Передьслава*), но может быть и мужским (ср. прозвища *аесова* и *ебехота* в грамоте Ст. Р. 35); часто пол носителя остается неизвестным (как, например, для имен *Рожнѣга* в № 18 из Торжка, *Сновида* в Ст. Р. 19). Вполне возможно, таким образом, что лукошко принадлежало женщине.

Имя *Шьвъко* тоже встречается в берестяных грамотах впервые. Но оно отмечено у Тупикова [с. 495]. Оно прозрачным образом произведено от корня *шьв-* 'шить'; ср. позднейшие *Шевченко*, *Шевчук* и т. п.

Представляет интерес указание писавшего: *а Шьвъко ѱлъ* (сокращение *ѱлъ* вместо *пьсалъ* — точно такое же, как в книгах и настенных записях). В берестяных грамотах такая концовка ранее не встречалась. В записях на стенах церквей такие формулы пред-

ставлены в основном в древнейший период — более всего в XI веке. Очевидно, это связано с тем, что манеры бытового письма тогда еще не успели обособиться от книжных.

Находка грамоты № 957 позволила, как это нередко бывало и раньше, понять непонятное место в одной из давно найденных грамот — № 123 (3-я четв. XI в.). Этот дошедший до нас в виде нескольких обрезков документ заканчивается странной последовательностью ...|-[*н*]*е*[*п*]*ьс*[*ъ*], для которой до сих пор не было найдено никакого объяснения. А. А. Гиппиус предложил для этой концовки убедительную интерпретацию, основанную на аналогии с грамотой № 957: это конец какого-то имени в И. ед., например, *Жьдане*, *Боꙗне*, *Городѣне*, *Володѣне* (для этой эпохи языческие имена намного вероятнее, чем христианские) + *пьсъ* (одно из возможных сокращений для *пьсалъ*), т. е. 'а Ждан (Боян и т. п.) писал'. Примером сокращения *пьсъ* может служить надпись 2-й пол. XI – 1-й пол. XII в. в новгородском Софийском соборе [Медынцева 1978, № 189] *холопъ Тѣшьцевиць пьсъ*.

Грамота № 958. Троицкий раскоп. Четыре строки, составляющие конечную часть первоначального документа.

Предварительная стратиграфическая оценка: конецXI – рубеж XI/XII вв.

В грамоте, по-видимому, буквы Ъ и Ь не различаются, т. е. представлена такая же одноеровая система, как в № 959 (см. ниже). Но уверенности в этом нет, поскольку полностью видимых букв этой группы в грамоте всего две. Ниже соответствующий единый знак условно передан через Ъ.

-[ахъ . є҃ .] грⷡи [на] ...
хъ на вълищевѣ грⷡи . г҃ . грⷡи
и поⷧ . и҃ . коⷩу на джеци=
нѣ грⷡи и поⷧ . в҃ . грⷡи

Перевод: '... (на) ...ях. Пять гривен на ...ах. На Влищеве гривна [и] три гривны и семь с половиной кун. На Дуйцине гривна и полторы гривны̓.

Это реестр некоторого сбора (или недоборов). Влищево и Дуйцино — села или деревни. Указываемая сумма в двух случаях состоит из двух частей, смысл которых либо был указан в утраченной ныне начальной части документа, либо просто был очевиден для адресата. Некоторым аналогом здесь может служить довольно близкая по времени грамота № 739, где требуемая выплата тоже складывается из двух частей: *отъ Глѣбъка к*[*ъ*] *воло*[*чѧ*](*н*)[*омъ: въ*]*да*[*ите*] *сему диаку 5 и гри*ⁿ *цьркъвную*. Вторая часть здесь представляет собой выплату в пользу церкви. Возможно, нечто сходное имеется в виду и в грамоте № 958 (полному отождествлению ситуации с грамотой № 739 препятствует то, что здесь вторые суммы больше первых и их количественное соотношение иное).

По данным картотеки Екатеринбургского университета, деревня *Вли́щево* существовала в Чагодощенском районе Вологодской области, в 30 км южнее Чагоды (сообщение Е. Л. Березович). С наименованием *Дуйцино* можно сопоставить название деревни *Дуйково* [НПК, VI: 273] близ Удомли (ныне в Тверской области); в топонимах варьирование суффиксов *-ьц-* и *-ьк-*, равно как *-ин-* и *-ов-*, в принципе возможно. Обе эти деревни находились на территории древней Бежецкой пятины.

Упоминание этих населенных пунктов в грамоте конца XI в. важно для уточнения представлений о территориальном объеме Новгородской земли в столь раннее время. Отметим, что к тому же периоду относится найденная еще в 1999 г. на Троицком раскопе берестяная грамота № 902 (от Домагостя к Хотену), в которой мечник Хотен выступает как сборщик государственных доходов в том же участке Бежецкой пятины. Возможно, и грамота № 958 была тоже адресована ему.

Отметим запись [j] через *е* в *Джецинѣ*.

Представляет интерес то, как записано число 'полторы': *поⷧ .в҃.* Отсюда видно, что тогда это еще было сочетание двух отдельных слов: *полъ въторы* (или *полъ въторѣ*). До

сих пор самой ранней фиксацией этого числительного в берестяных грамотах было *во полуторь* в грамоте № 831 второй четверти XII века, и там уже было представлено слияние двух компонентов воедино.

Грамота № 959. Троицкий раскоп. Документ из четырех строк, у которого выгорела вертикальная полоска в правой части и, кроме того, обгорел еще и правый край. Очевидно, в момент пожара свернувшаяся в рулон грамота была уже почти целиком покрыта землей, выступал на поверхность только небольшой участок близ ее правого края. Этот участок и выгорел.

Предварительная стратиграфическая оценка: конецXI – рубеж XI/XII вв.

Буквы Ъ и Ь не различаются, т. е. грамота написана по одноеровой системе. При этом начертания соответствующей единой буквы варьируют. Обычно они имеют вид Ь с большим горизонтальным верхом (у которого в части случаев имеется еще засечка слева). Ниже этот единый знак условно передается через Ъ.

По оценке В. И. Поветкина, изучившего документ с физической стороны, выгоревшая вертикальная полоска могла содержать примерно 5–8 букв, а сгоревший правый край — еще 1–2 буквы.

ѿ станигости къ олоучи то ти - - - - - - оуб[л]-
оу мене кобылоу а ꙗзъ не в[и]- - - - - [ъ] въ - -
мъ а тобѣ съказъвалъ - - - - - - до ж[и]⸗
рънѣжъко а продаи на · - - - - - - ъı

В строке 1 остатки букв позволяют читать как -*оуб*[*л*]-, так и -*оуб*[*м*]-; но сочетание *бм* для данной эпохи практически исключено.

В строке 4 после на · видна еще вертикальная мачта.

Грамота начинается с обычной для самых древних грамот адресной формулы простейшего вида (без дополнительных слов сверх имен автора и адресата): *ѿ Станигости къ Олоучи.*

Другой вариант словоделения (с выделением частицы *чи*): *къ Олоу чи то ти* ... — следует отвергнуть, поскольку имя *Олъ* не получает никакой поддержки в древнем ономастиконе, а частица *чи*, как будет видно из дальнейшего разбора, была бы для смысла основной части грамоты неуместной.

Имя *Станигость* встречается впервые и пополняет фонд дохристианских славянских древнейшего типа — двусоставных. Для первой части ср. *Станимиръ*, *Станиславъ*, для второй — *Воигость*, *Домагость*, *Доброгость*, *Милогость*, *Радогость* и др.

Впервые встречается и имя *Олуча.* В отличие от имени автора, это христианское имя — гипокористическое от *Олуферии.* Ближайшее к нему засвидетельствованное имя — *Олучка* [НПК, VI: 390]. В отношении суффикса ср. *Лихоча* (от *Лихославъ* и т. п.) в № 412. Ср. также другие гипокористики от этого имени — *Олухъ, Олушь, Олушка, Олушко, Олухно,* отмеченные в новгородских писцовых книгах и в топонимах. В берестяных грамотах встретилось *Ѡлѹшева* в №116 (нач. XIII в.) и *Олѡфь* на деревянной бирке № 7 (рубеж XII–XIII вв. — [НГБ VIII: 65]).

Следует отметить, что в столь раннее время христианские имена еще представляют собой редкость и их носят в основном лишь знатные новгородцы. Тем самым допустимо предполагать, что данная грамота адресована к высокопоставленному лицу.

Что касается основного текста грамоты, то задача восстановления документа со столь значительными утратами, разумеется, весьма непроста.

Сравнительно легко находится только подходящая конъектура для второй строки: *а ꙗзъ не в*[*и*](*новат*)[ъ] *въ* (*то*)|*мъ*. Это вполне обычная фраза для древнерусских текстов фраза, ср., например: *ꙗзъ въ всемъ виноватъ передъ Б҃мъ и пред нимъ* (Ипат., 142 об.). И она хорошо согласуется с общим характером изучаемого документа.

Тем самым, в частности, уточняется величина большой лакуны: она равно примерно шести буквам. Это весьма существенно для остальных строк, для которых поиск конъектур намного сложнее.

После этого начало основного текста грамоты: *то ти - - - - - -оуб*[*л*]- | *оу мене кобылоу, а ѧзъ не в*[*и*](*новат*)[ъ] *въ* (*то*)|*мъ* — уже становится в общих чертах понятным. У автора, по-видимому, по причине какого-то обвинения была отобрана кобыла, а он заявляет, что в этом деле (т. е. в том, за что ее отобрали) он не виноват.

Для отрезка *оуб*[*л*], по-видимому, есть лишь два реально допустимых пути реконструкции — корень *гоуб* (в таких словоформах, как *погоублю*, *погоублено*) и корень *роуб* (в таких словоформах, как *пороублю*, *пороублено, пороублъ*, *пороубли*). Слово *роубль* в грамоте рубежа XI/XII вв. можно не обсуждать — это был бы вопиющий анахронизм.

Словоформа *погоублю* несовместима по смыслу с *оу мене*; словоформа *погоублено* не умещается в строке; и вообще глагол *погубити* в сочетании с *оу мене* плохо подходит к ситуации, где автор был в чем-то обвинен и наказан. Остается глагол *рути* (*порути*, *вырути*) ‘конфисковать имущество за какую-либо вину’, хорошо известный ныне как раз из берестяных грамот. Он уже очень хорошо подходит к ситуации.

Отсюда самая вероятная из возможных конъектур: *то ти* (*еси пор*)*оуб*[*л*](ъ) | *оу мене кобылоу* ‘вот ты у меня конфисковал кобылу’ (вместо *пороублъ* мог выступать и его синоним *выроублъ*). Такая реконструкция означает, что Олуча, к которому обращается Станигость, — это некое административное лицо, в чьи прерогативы входит разрешение гражданских конфликтов, в частности, конфискация имущества.

Можно было бы, правда, представить себе, что Станигость жалуется на действия некоего третьего лица, имя которого стояло после *то ти.* Но для такого имени, даже если оно было очень коротким (вроде *Петръ*) недостаточно места (а предполагать здесь бесприставочную словоформу несовершенного вида *роублъ* нереально по смыслу).

Из второй части грамоты (*а тобѣ съказъвалъ - - - - - -до Ж*[*и*]|*ръньжько, а продаи на* . - - - - - *-ы*), несмотря на лакуны, можно понять, что автор указывает на человека по имени *Нѣжько* или *Жиръньжько*, который что-то адресату сообщил (*съказъвалъ*), и требует его “продать”, т. е. оштрафовать. Кого именно нужно “продать”, не сказано, но в таких случаях в древнерусском тексте речь всегда идет о том же человеке, который назван непосредственно перед этим.

Это дает возможность предложить правдоподобную конъектуру для четвертой строки: *а продаи на* .(**г**. *гривън*)*ы* ‘так оштрафуй [его] на три гривны’. Выбор числительного определяется тем, что окончание *-ы* здесь возможно только при наличии числительных 3 или 4, а после точки виден вертикальный штрих, т. е. часть буквы **г**, а не **д**.

А. А. Гиппиус высказал предположение, что в третьей строке речь идет о виновнике совершившейся над Станигостем несправедливости, т. е. примерно о таком же “клеветнике”, как в знаменитой грамоте № 247, где “клеветник” ложно сообщил об ограблении дома или склада и за это должен быть “продан”, т. е. подвергнут штрафу. Он указал на то, что глагол *сказывать* (*на кого-либо про что-либо*) засвидетельствован в ряде поздних текстов в значении ‘сообщать (докладывать) о чьих-либо проступках или злоупотреблениях’. Ср. в Соборном Уложении 1647 г. (гл. 10, ст. 7): *А челобитчика, и на кого онъ сказывалъ про посулы, ставити с очеи на очи, и роспрашивати и сыскивати про посулъ всякими сыски накрѣпко*. Также в рассказе Л. Н. Толстого “Свечка”: *“Да ты порознь расскажи, что кто говорит. Васька что говорит?” — Не хотелось старосте сказывать на своих, да с Василием у них давно вражда шла.*

В Слов. XI–XVII [24: 169–172] приведен целый ряд примеров употребления данного слова и его производных в значениях указанного рода, в частности: *А Ивановыхъ ... грамотъ язъ, Романъ, людемъ своимъ имати не веливалъ, то на меня Онтонъ сказываетъ ложно* (с. 171); *В Сомарском тот Офонасей брата моего и меня лаял, и за то на меня тот Офонасей смуту сказывает* (там же); *Сказывалися есте арнхиепископу и бояром*

перед собором во всех тех злых делех повинни (с. 172); <u>сказка</u> — одно из значений: ‘донесения о событиях, происшествиях, торгах, о выполнении служебных и прочих поручений, доносы на кого-л.’ (с. 169).

Остается самая трудная лакуна — в третьей строке. Здесь прежде всего необходимо понять, как именно звали “клеветника”, — *Нѣжько* или *Жиръпѣжько.* Более простой вариант представляет собой хорошо известное имя *Нѣжько*, но тогда для отрезка *съказъ= валъ - - - - - -дож*[*и*]|*ръ Нѣжько* не видно ни одного правдоподобного решения. Можно вообразить, например, фразу *съказъвалъ* (*сынъ Ра*)*дож*[*и*]|*ръ Нѣжько* ‘сказывал сын Радожиров Нежко’, но такой способ наименования лиц не встречается в грамотах ни разу.

Имя *Жиръпѣжько*, в отличие от *Нѣжько*, ранее не встречалось. Но в грамоте № 745 имеется совершенно аналогичное имя *Братонѣжько.* А двусоставные имена как с начальным *Жир-*, так и с конечным *-нѣгъ* вообще часты, ср. *Жировить*, *Жирославъ*, *Жиробудъ* и др.; *Братонѣгъ*, *Доманѣгъ*, *Милонѣгъ*, *Перенѣгъ*, *Радонѣгъ*, *Рознѣгъ*, *Стоинѣгъ*, *Уюнѣгъ* и др.

Имя *Жиронѣгъ* отразилось в топонимике: по данным картотеки Екатеринбургского университета, в том же Чагодощенском районе Вологодской области, где находилось *Вли́щево*, существовала также деревня *Жероне́гово* (сообщение Е. Л. Березович). Кроме того, в НПК [IV: 47] отмечена деревня *Жинорѣжа*, название которой явно представляет собой результат метатезы из *Жиронѣжа* (другие объяснения здесь нереальны).

Что касается *Жиръ-* (а не *Жиро-*) в первой части имени *Жиръпѣжько*, то это явление тоже имеет аналог в берестяных грамотах: у имени *Мирославъ* (представленного в № 603, 747 и 334) имеется вариант *Мирславъ* (представленный в № 502 и Ст. Р. 17). Поскольку слово *žirъ*, как и слово *mirъ*, относилось к u-склонению, ныне имеется дополнительное основание предпочесть первую из двух версий происхождения таких вариантов, изложенных в [ДНД$_2$: 406], т. е. существование исконных сложений **Mirъslavъ*, **Žirъ-pěgъ* (а не относительно позднюю утрату *о* в *Миро-, Жиро-*).

Если в грамоте представлено имя *Жиръпѣжько*, то отрезок с лакуной имеет вид *съка= зъвалъ - - - - - -до.* Выбор конъектуры в этом случае оказывается не столь определенным, как для других строк. Например, среди прочих вариантов возможно *а тобѣ съказъвалъ* (*на мѧ хоу*)*до*; но во-первых, на лакуну приходится на одну букву больше, чем ожидалось бы, во-вторых, слово *хоудо* представляется слишком общим, недостаточно конкретным для такого делового текста. Неплохо подошла бы по смыслу также конъектура *а тобѣ съказъвалъ* (*негораз*)*до* ‘а тебе докладывал неправильно’, но в ней тоже на одну букву больше, чем ожидалось бы.

С нашей точки зрения, наиболее вероятна конъектура *съказъвалъ* (*про ста*)*до.* Она связывает по смыслу вторую часть грамоты с упоминанием кобылы в первой части. Правда, в современном языке слово *стадо* обычно не применяется к лошадям, для этого служит слово *табун.* Но в древнерусском языке такого ограничения не было; ср. *а конюхъ старыи оу стада* в Русской Правде, *стада коньска и кобылья* в Ипат. и т. п. (см. Срезн., статья *стадо*). Более того, точные германские соответствия славянского слова указывают именно на связь с лошадьми, ср. др.-исл. *stóđ* ‘конский завод’, нем. *Stute* ‘кобыла’.

Таким образом, с добавлением наиболее вероятных конъектур грамота приобретает следующий вид:

ѿ станигости къ олоучи то ти (єси пор)оуб[л](ъ)
оу мєнє кобылоу а азъ нє в[и](новат)[ъ] въ (то)=
мъ а тобѣ съказъвалъ (про ста)до ж[и]=
рънѣжъко а продаи на ·[г](· гривън)ы

Для реконструированного таким образом текста уже можно предложить полный перевод: ‘От Станигостя к Олуче. Вот ты конфисковал у меня кобылу. А я в этом [деле] не виноват. А тебе доносил про табун Жирнежко — так оштрафуй[его] на три гривны’.

Вырисовывается, таким образом, следующая картина. Жирнежко донес административному лицу Олуче, что Станигость совершил что-то противоправное с табуном лошадей. За это Олуча конфисковал у Станигостя кобылу. Станигость заявляет этой своей грамотой, что он не виноват, и требует от Олучи наказать клеветника штрафом.

Грамота представляет также большой интерес с лингвистической точки зрения.

Как уже отмечено, она написана по одноеровой системе; эта особенность характерна именно для древнейших грамот.

Далее, важная особенность этой грамоты состоит в том, что она совсем не имеет никаких новгородских диалектных признаков. В частности, словоформа *съказъвалъ* имеет окончание *-ъ* (а не *-е*), *Жиръньжъко* — окончание *-о* (а не *-е*), *къ Олучи* — окончание *-и* (а не *-ѣ*). Мы уже отмечали повышенную долю грамот с такой особенностью среди грамот самого раннего периода.

Понятно, что эта особенность учитывалась выше и при построении конъектур. В частности, в словосочетании *на три гривъны* существительное имеет наддиалектное древнерусское окончание *-ы* (а не древненовгородское *-ѣ*).

Но наибольшую ценность для истории русского языка имеет в этой грамоте словоформа *съказъвалъ*.

Прежде всего это самая ранняя фиксация вторичного имперфектива с суффиксом, соответствующим современному русскому *-ыва-*, *-ива-*, на Руси, а поскольку в старославянском таких примеров вообще нет, то и во всем славянском мире. До этой находки таковою была словоформа *надѣливати* в найденной восемью годами ранее берестяной грамоте № 794, датируемой 60-ми – 80-ми гг. XII века.

Но еще важнее то, что суффикс здесь имеет вид *-ъва-* (а не *-ыва-*, *-ива-*, как практически во всех прочих древнерусских источниках). Предполагать, что в этом суффиксе *ъ* — это просто графическая замена для *ы*, нет никаких специальных оснований, поскольку достоверные *ы* — в *кобылоу* и в (*гривън*)*ы* — записаны в грамоте именно с *ы*.

Чтобы оценить значение этого факта, уместно, по-видимому, привести следующую большую цитату из книги [Зализняк 1985] (§ 2.23, с. 148–149):

> Суффикс вторичных имперфективов, который в более позднее время выглядит в великорусских памятниках как *-ыва-ти*, для раннедревнерусского, по-видимому, должен реконструироваться как *-ъва-ти* (ср. великорусское произношение типа *подска*[къ]*вать*, украинский рефлекс *-ува-ти* и в особенности белорусский рефлекс *-ва-ць*, например: укр. *покáзувати*, белор. *пакáзваць*). В составе *-ъв-а-ти* морф *-ъв-* имеет маркировку ↓ (морф *-а-* здесь тот же, что во всех *aj*-глаголах); поскольку ъ здесь слабый, ударение фактически всегда падает левее суффикса, например: *опрáвьдъвати* (от а⟨кцентной⟩ п⟨арадигмы⟩ *a*), *покáзъвати* (от *b*), *завáрьвати* (от *c*). При последующих нефонетических заменах ъ на другие гласные ударение уже не менялось. Следует учитывать, что историческое развитие данного суффикса известно очень неполно, поскольку в раннюю книжную письменность он проникал довольно редко и, возможно, в части случаев записывался не в соответствии с произношением.

Таким образом, словоформа *съказъвалъ* в данной грамоте непосредственно подтверждает реконструкцию, построенную на основе косвенных соображений (прежде всего акцентологических), но до сих пор не имевшую никакой опоры в древних письменных памятниках.

В этой связи следует, однако, вновь обратиться к одному примеру из берестяной грамоты XIV века, который не имел однозначного объяснения: *присиквали* ‘прирубали, рубили дополнительно’ из грамоты № 20. В ДНД$_2$ [§ 5.12, с. 217] указывалось, что отсутствие *ы* между *к* и *в* в этой словоформе — возможно, не описка, а отражение того диалектного варианта развития имперфективов на *-ывати*, который характерен для белорусского языка и состоит в том, что перед *-ваць* здесь нет вообще никакой гласной, например, *прыцягваць* ‘притягивать’, *аплáкваць* ‘оплакивать’, *праслýхваць* ‘прослушивать’, *высáджваць* ‘высаживать’ и т. п.

Само это белорусское явление не имеет пока что общепринятого объяснения. В принципе это может быть либо архаизм (если нуль здесь восходит к слабому редуцированному), либо результат поздней утраты безударного *ы* (*и*) между согласными. Находка грамоты № 959 дает ныне важный дополнительный аргумент в пользу версии об архаизме.

СОКРАЩЕНИЯ

ДНД$_2$ — *А. А. Зализняк.* Древненовгородский диалект. Изд. 2-е. М., 2004.

Зализняк 1985 — *А. А. Зализняк.* От праславянской акцентуации к русской. М., 1985.

Ипат. — Полное собрание русских летописей. Том второй. Ипатьевская летопись. М., 1962.

КСГРС — картотека Словаря говоров Русского Севера (Екатеринбург, Уральский университет, кафедра русского языка и общего языкознания).

Медынцева 1978 — *А. А. Медынцева*. Древнерусские надписи новгородского Софийского собора XI–XIV века. М., 1978.

НГБ VIII — *В. Л. Янин*, *А. А. Зализняк.* Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1977–1983 гг.). Комментарии и словоуказатель к берестяным грамотам (из раскопок 1951–1983 гг.). М., 1986.

НПК — Новгородские писцовые книги. Т. I–VI и указатель. СПб., Пг., 1859–1915.

Слов. XI–XVII — Словарь русского языка XI–XVII вв. Вып. 1–. М., 1975–.

Срезн. — *И. И. Срезневский*. Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам. Т. I–III. СПб., 1893–1903.

СРНГ — Словарь русских народных говоров. Вып. 1–. М.; Л., 1965–.

Тупиков — *Н. М. Тупиков*. Словарь древнерусских личных собственных имен. СПб., 1903.

ЭССЯ — Этимологический словарь славянских языков. Праславянский лексический фонд. Вып. 1–. М., 1974–.